

О некоторых
глагольных формах
в “Поучении”
Владимира Мономаха
и языке Киева
на рубеже XI–XII вв.

Some Verbal Forms
in the *Testament of
Vladimir Monomakh
to His Children* and
the Language of Kiev
in the 11th Century

Мария Наумовна
Шевелёва

Maria N. Sheveleva

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Moscow State University

Резюме

В статье рассматриваются характерные особенности глагольной системы древнекиевского диалекта рубежа XI–XII вв., отраженные в “Поучении” Владимира Мономаха: древнерусский плюсквамперфект в результативном значении и восточнославянская модель имперфективации с суффиксом *-ыва-/-ива-*, уже продуктивная в Киеве этого времени.

Ключевые слова

древнерусский не книжный плюсквамперфект, восточнославянский суффикс имперфективации *-ыва-/-ива-*

Abstract

This article deals with the specific features of the Old Kievan verbal system (11th–12th centuries) reflected in the *Testament of Vladimir Monomakh to His Children*,—the Old Russian pluperfect in the resultative meaning and the East Slavic pattern of imperfectivization with the *-yva-/-iva-* suffix.

The *Testament of Vladimir Monomakh* contains the earliest example of the Old Russian colloquial pluperfect *bylv stvorilv*—this form, as the context shows, has

the meaning of the resultative state beginning before the point of reference. The comparison of this usage with other early examples of the pluperfect in the *Tale of Bygone Years* and Monomakh's *Testament* itself permits the supposition that in the 11th century in Kiev, literary and colloquial pluperfect forms were synonymous.

In the oldest part of the *Testament*, the specifically East Slavic suffix of imperfectivization *-yva-/-iva-* is just as frequent as in the Kievan Chronicle of the 12th century. A similar example is in the Russian-translated passage in the *Izbornik* of 1076, which scholars believe was known to Monomakh himself. These facts show that the *-yva-/-iva-* pattern of imperfectivization was already in common use in Kiev at the end of the 11th century.

Keywords

Old Russian colloquial pluperfect, East Slavic suffix of imperfectivization *-yva-/-iva-*

О языке сочинений Владимира Мономаха много писали — и в работах XX в. [Обнорский 1946: 32–80; Якубинский 1953: 309–320; Кузнецов 1953: 238–239; Марков 1974: 18; Мещерский 1977; 1980/1995], и в лингвотекстологических и лингвистических исследованиях последнего времени [Гиппиус 2003; 2004; 2006; Зализняк 2008: 201–205]. Те глагольные формы, о которых пойдет здесь речь, были известны исследователям, но, как кажется, они достойны большего внимания.

1. Все исследователи сходятся в том, что язык “Поучения” Мономаха (в широком смысле, далее — ПВМ) по единственному списку Лавр. в значительной степени близок к живому древнерусскому языку и отражает не книжные черты на всех уровнях. В глагольной системе не книжный компонент ярко проявляется в сфере прошедших времен: здесь употребляется перфект, причем в 3-м лице последовательно без связи, свободно варьирующийся с аористом в нарративном контексте, — фактически новое прошедшее на *-л-*, ср. хорошо известное описание “охот” Мономаха:

олень ма одинъ болъ. а ѿ. лоси // ѿдинъ ногама то пталъ. а другыи рогама болъ. вепрь ми на бедръ мечъ ѿталъ. медвѣдь ми у колена подъклада окусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра. и конь со мною поверже. и Бѣ неврежена ма съблюде [ПВМ: л. 83].

О показательности этих данных ПВМ, “неопровержимо доказывающих” тождество грамматических значений аориста и перфекта, писали П. Я. Якубинский и П. С. Кузнецов: “Ясно, что лишь одна из этих тождественных грамматических форм могла быть живой, активной формой разговорной речи; это, как показывает дальнейшая её судьба, была форма перфекта; форма же аориста была уже мертвой в разговорной речи и

существовала лишь как особенность литературного языка” [Якубинский 1953: 315] (ср. [Кузнецов 1953: 238]).

Отмечалось исследователями и использование в ПВМ двух типов образования плюсквамперфекта — старого книжного (пять примеров) и нового некнижного (один пример) [Обнорский 1946: 49], при этом случай нового плюсквамперфекта в ПВМ оказывается одним из двух старейших засвидетельствованных примеров данной формы вообще [Кузнецов 1953: 242], а может быть и самым старшим, поскольку второй пример — из Повести временных лет под 1074 г. — читается только в Лавр. и принадлежность его тексту конца XI в. не очевидна (см. ниже). Обратим на плюсквамперфект в ПВМ более пристальное внимание.

Некнижная форма *быль* + *-л-* читается в ПВМ в заключительном обращении Мономаха к детям, после его рассказа о своей жизни и непосредственно после описания “охот”; эту часть ПВМ (как и описание “охот”) есть все основания возводить к старейшей редакции текста, датируемой рубежом 1099–1100 гг. [Гиппиус 2003: 89]. Вот контекст с плюсквамперфектом:

да не зазрите ми дѣти мои. но инь кто прочеть не хвалю бо са ни дерзости своеа. но хвалю Бѣ и прославляю мѣть юго. иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣ сблю ꙗ тѣхъ часъ смѣртныхъ. и не лѣнива ма быль створи лѣ худаго на вса дѣла члвчѣкаа потреба [ПВМ: л. 83].

Некнижный плюсквамперфект в этом древнейшем примере рубежа XI–XII вв. имеет несомненно результативное значение, при этом результирующее состояние начинает свое существование в момент в прошлом, предшествующий и моменту речи, и моменту(-ам) других прошедших событий основной линии повествования: завершая рассказ о своей жизни, воинских и охотничьих подвигах, Мономах благодарит Бога за то, что уберег его ото всех смертельных опасностей и создал его (до всех описанных событий, т. е. в момент начала его жизни) не ленивым и способным преодолеть все испытания. Перед нами значение результирующего состояния, смещенного в прошлое, — смещенно-перфектное значение, как называл его Ю. С. Маслов [2004: 441]. Плюсквамперфект *быль створи лѣ* здесь выражает перфектность, отнесенную в прошлое, при этом предшествующая глагольная форма *сблю*^d ‘сохранил, уберег’ (видимо, аорист *сблюде*, хотя допустимо и прочтение как причастия *сблюдѣ*) относит результат собственно к моменту речи — введение плюсквамперфекта в этом контексте задает регресс, относя начало результирующего состояния ко времени, предшествующему времени описанных до этого событий. Вряд ли реалистично предполагать, что это состояние мыслилось говорящим как аннулированное к моменту

речи. Вряд ли Мономах хочет сказать, что в данный момент обращения к детям он уже утратил дарованное ему Богом трудолюбие, стал “ленивым” и ни на что не способным: хоть завещательное наставление Мономаха и имеет коннотации завершения жизни (что во многом связано с его литературными источниками), оно писалось Мономахом, как показал А. А. Гиппиус [2003: 69–71], отнюдь не в старческом возрасте, когда князь был еще полон сил. Кроме того, вряд ли Мономах хотел представить дарованные ему Богом добродетели аннулированными. “Антирезультативная” трактовка значения некнижного плюсквамперфекта в этом контексте представляется маловероятной — плюсквамперфект *быль створилъ* здесь имеет первичное смещенно-перфектное значение действия, результат которого отнесен к некоторому моменту в прошлом, предшествующему основной линии событий.

По поводу семантики древнерусского некнижного (“сверхсложного”) плюсквамперфекта велись споры, главным в которых стал вопрос о том, было ли значение новой формы типа *быль* + *-л-* изначально отлично от значений формы старой типа *бъ* (*бъше*) + *-л-*, ставшей в восточнославянском ареале уже в раннюю эпоху специфически книжной [Петрухин, Сичинава 2006; 2008], или же некнижная форма исконно имела ту же семантику, что и “старая” книжная, и лишь впоследствии по диалектам утратила первичное для славянского плюсквамперфекта смещенно-перфектное значение и специализировалась на выражении значений из сферы “неактуального прошедшего” [ШЕВЕЛЕВА 2007; 2008]. Примеры результативного значения некнижного плюсквамперфекта, хоть и в небольшом количестве (пять случаев), встречались в летописях XII в. — в Киевской летописи (далее — КЛ) и в Суздальской летописи за XII в. (далее — СЛ), но в большинстве своем они имеют разночтения по спискам и потому вызывали сомнения (ср. [ШЕВЕЛЕВА 2008] и [ПЕТРУХИН, СИЧИНАВА 2008]), ср. некоторые из этих примеров:

И се слышавъ Всеволодъ не поустѣ сѣа своего Стѣслава. ни моужии новгородскихъ. **иже то бы** (Х.П.: **был**) **привелъ** к собѣ [КЛ, 1140 г.: л. 114];

... а всѣхъ невѣрнѣ оубициъ числомъ .ѣ. **иже са были снали** на вканыи свѣтъ того дѣи оу Петра оу Кучкова зата [СЛ, 1175 г.: л. 124 об.] (в КЛ: л. 207: баху снали; в Хлебниковском и Погодинском списках: были снали);

ср. контекст из прямой речи в СЛ, где Всеволод утверждает исконность и законность своего наследственного права на Владимирское княжение:

Брате вже та привели старѣшаа дружина. а поѣди Ростову. а ѡтолѣ миръ възмевѣ. тобе Ростовци привели и боларе. а мене **быль** с братомъ Бѣ **привелъ** и Володимерци. а Суздаль буди намъ вбче. да кого всхотать. то имъ буди князь [СЛ, 1177 г.: л. 128 об.].

Наш пример из ПВМ свидетельствует в пользу исконности чтений с не книжным плюсквамперфектом в этих контекстах: значение новой формы здесь то же, что и в ПВМ, — во всех этих случаях не книжный плюсквамперфект имеет значение действия, результат которого отнесен к некоторому моменту в предшествующем основной линии повествования прошлом.

Контекст из ПВМ становится явным свидетельством наличия у не книжного плюсквамперфекта в раннедревнерусскую эпоху первичного результативного значения — того же, что и у старой формы, ставшей книжной. По крайней мере, это представляется несомненным для киевской и ростово-суздальской диалектных зон (на северо-западе — в новгородской и псковской зонах — утрата новой формой первичного результативного значения осуществилась, очевидно, раньше). Таким образом, в XI–XII вв. в Киеве новый не книжный плюсквамперфект мог употребляться синонимично старому, уходящему в сферу книжности, для выражения смещенно-перфектного значения.

В выражении значения аннулированного результата (антирезультативного), всегда контекстуально обусловленного, не книжный и книжный плюсквамперфект в ранний период тоже синонимичны. Показателен в этом отношении единственный в Повести временных лет (далее — ПВЛ, по спискам Лавр., Ипат. и НПЛ мл.) пример не книжной формы — он имеет антирезультативное значение — в Лавр. под 1074 г. в рассказе старца Исакия о том, как он был прельщен бесом и впоследствии после долгой болезни исцелен благодаря трудам Феодосия Печерского:

Исакии же рѣ. се оуже прелстил ма кси былъ дьаволе сѣдаща на кидинѣ мѣстѣ. а оуже не имѣ са затворити в печерѣ. но имѣ та побѣдити хода в манастырѣ [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 65 об.] (прельстиль ма еси дьаволе [Ипат.: л. 72], так же в Радзивилловском и Академическом списках).

Значение аннулированного результата у формы прелстил ма кси былъ здесь несомненно, но оно задается контекстом противопоставления положению дел в момент речи (а оуже не имѣ са затворити в печерѣ. . .). При этом в продолжении того же рассказа о старце Исакии в совершенно идентичном контексте дважды встречается книжный плюсквамперфект в том же антирезультативном значении — ср. в диалоге Исакия с бесами:

глѣшетъ бо к нимъ. аще ма бѣсте прелстили в печерѣ первое. понеже не вѣдахъ козни вашѣ и лукавства. нонѣ же имамъ Га Іс Ха и Ба моко и молитву вѣда моко Феодосъа. надѣюса [на Ха] имѣ побѣдити [вас] [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 66 = Ипат.: л. 72 об.];

не мошоша кму ничтоже створити. и рѣша кму. Исакие побѣди кси на. вн же рѣ якоже бѣсте мене вы [первое — из Радзивилловского и Академического списков] побѣдили въ образѣ Іс Ховѣ и въ англьстѣмь недостоини (су)ще того

видѣнѣа. но се поистѣнѣ ѡвляктеса топерво въ ѡбразѣ звѣринѣмь. и скотьемь. и змеѣми и гадо̅. аци же и сами кесте [скверни. и зли в видѣннѣи. и абие погибоша бѣси ѿ него — из Радзивилловского и Академического списков] и ѡтолѣ не бѣ̅ кму пакости ѿ бѣсовъ [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 66 об.] (в Ипат.: л. 72 об. — перфект: и вы первѣ мене побѣдили есте).

Как и в примере с некнижной формой, противопоставление последующему положению дел здесь задается контекстом (нонѣ же имамь. . . , но се. . . ѡвляктеса топерво) — как мы видим, условия употребления некнижной и книжной форм плюсквамперфекта при выражении антирезультативного значения одинаковы. При этом заметим, что некнижная форма в первом контексте читается только в ПВЛ-Лавр. и потому остается неясно, восходит ли она к тексту кон. XI в. или появилась на более позднем этапе, книжная же форма в следующем примере читается во всех старших списках Лавр. и Ипат. групп и принадлежность ее первоначальному тексту сомнений не вызывает. Колебание по спискам книжного плюсквамперфекта / перфекта в третьем примере — точно такое же, как у некнижной формы в первом примере, свидетельствующее о факультативности плюсквамперфекта в подобном контексте прямой речи и возможности замены его в таких условиях на перфект, — также указывает на синонимичность старой и новой форм.

Показателен и пример ПВЛ под тем же 1074 г. из предшествующего рассказам о печерских старцах рассказа об избрании преемника Феодосия Печерского — рассказ несомненно восходит к Начальному своду 90-х гг. XI в., во всех старших списках ПВЛ он читается с книжным плюсквамперфектом в значении аннулированного результата, при этом в более поздних Радзивилловском и Академическом списках книжная форма нарекль бахъ заменена на некнижную нарекль былъ:

рѣ̅ же имь Феодосии. се азъ по Бжью повелѣнью нарекль бахъ Иакова. се же вы свою волю створити хочете. и послушавъ ихъ предасть имь Стеѡана. да будетъ имь игумень [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 63; Ипат.: л. 69; нарекль бѣхъ = НПЛ мл.: л. 98; в Радзивилловском и Академическом списках: нарекль былъ).

Таким образом, в антирезультативном значении, задаваемом контекстом противопоставления последующему положению дел, книжный и некнижный плюсквамперфект, по данным летописи кон. XI – нач. XII вв., также синонимичны.

В тексте самого ПВМ книжный плюсквамперфект представлен пятью примерами, все они — в “летописи путей” Мономаха, причем преимущественно (за исключением одного случая из пяти) в тех её фрагментах, которые, по наблюдениям А. А. Гиппиуса [2004], представляют отредактированный и дополненный текст окончательной редакции 1117 г., отличающийся от первоначальных фрагментов “летописи путей” более

книжными средствами текстовых связей, сходством с летописным нарративом. По летописному типу — как в нарративе ПВЛ — здесь употребляется и книжный плюсквамперфект. Большинство примеров имеют смещенно-перфектное значение, ср. пример из старейшей части “летописи” Мономаха:

то и-Смолиньска идохъ Володимерю. [Тоѣ же зимы — по А. А. Гиппиусу, вставка позднейшей редакцией] то и посласта Берестию брата на головнѣ. иде **б а х у п о ж г л и**. то и ту блюдѣть городѣ тихъ [ПВМ: л. 81] (см. [Гиппиус 2004: 165]);

примеры из позднейших добавлений к исконному тексту первоначальной редакции:

И срѣтоша ны внезапно Половечскыѣ князи .й. тысячъ и хотѣхѣ с ними ради битиса. но вружье **б а х о м ъ о у с л а л и** напередѣ на повозѣхъ [ПВМ: л. 81 об.];

И Стародубу идохѣ на Волга зане с а **б а ш е п р и л о ж и л ѣ** к Половцѣ [ПВМ: л. 82];

И потѣ пакы на Донѣ идохѣ с Стополкѣ и с Двѣдмѣ. и Бѣ ны поможе. и к Выреви **б а х у п р и ш л и** Аѣпа. и Бонакѣ. хотѣша взати и [ПВМ: л. 82 об.];

— ср. сходные употребления в поздней части ПВЛ:

В то же время **б а ш е п р и ш е л ѣ** Славата ис Кыева к Володимерю ѿ Стополка [ПВЛ, 1095 г. — Лавр.: л. 75 об.];

Мстиславу сѣдащю на вбѣдѣ. приде ему вѣсть яко Влегъ на Клязьмѣ. близъ бо **б ѣ п р и ш е л ѣ** без вѣсти [ПВЛ, 1096 г. — Лавр.: л. 86; Ипат.: л. 87 об.] и др.

В одном случае контекст позволяет предполагать “отмененность” результата последующими событиями:

И потѣ к Мѣньску ходихѣ на Глѣба. уже ны **б а ш е** люди **з а я л ѣ**. и Бѣ ны поможе [ПВМ: л. 82 об.];

— ср. сходный контекст в ближайшей части ПВЛ:

а Мстиславъ прише створи миръ с Рязанци и поа люди своя. гаже **б ѣ з а т о ч и л ѣ** Влегъ [ПВЛ, 1096 г. — Лавр.: л. 86 об.; Ипат.: л. 88].

Как мы видим, книжный плюсквамперфект в ПВМ употребляется в нарративе летописного типа, тогда как в речевом режиме непосредственного обращения Мономаха к детям использована древнерусская не книжная форма. По значению же книжная и не книжная формы плюсквамперфекта в языке ПВМ, как и в ПВЛ за конец XI в. и в КЛ XII в., синонимичны: обе формы могут выражать первичное смещенно-перфектное значение, а в контексте противопоставления последующей ситуации —

антирезультативное. При этом в самом ПВМ новая форма представлена только в первичном результативном значении, а в исконном тексте Мономаха первоначальной редакции имелись, по-видимому, всего 2 формы плюсквамперфекта — одна старая и одна новая, обе в результативном значении: книжная в автобиографическом рассказе о “путях” и книжная в заключительном обращении автора к детям. Таким образом, старый и новый плюсквамперфект соотносятся здесь как книжная форма литературного нарратива летописного типа и книжная форма живого языка, проникновение которой в “гибридные” литературные тексты такого типа, как ПВМ и летописи, впрочем, вполне допустимо.

В живом языке Киева конца XI – начала XII в., судя по всему, использовался только новый плюсквамперфект — в тех же значениях, что и старый, уходящий, как и аорист, в сферу пассивного знания и литературной традиции (см. выше об аористе [Якубинский 1953], а также [Зализняк 2004: 174]).

2. Показательны данные ПВМ относительно моделей образования вторичных имперфективных основ в древнекиевском диалекте рубежа XI–XII вв. В ПВМ фиксируется пять случаев имперфективов с суффиксом *-ыва-/-ива-* — на эти живые древнерусские формы уже обращали внимание исследователи [Обнорский 1946: 76; Якубинский 1953: 313]. Надо сказать, что пять примеров *-ыва-*имперфективов на относительно небольшой объем текста ПВМ (семь листов) — это высокий уровень употребительности *-ыва-*глаголов, значительно превышающий их употребительность в окружающем тексте ПВЛ и в ПВЛ в целом (см. подробнее в [Шевелева 2014]) и сопоставимый только с КЛ XII в. (63 примера на 139 листов) и с Волынской частью (далее — ВЛ) Галицко-Волынской летописи XIII в. (12 примеров на 25 листов). Как мы теперь знаем, КЛ и ВЛ с их высоким уровнем представленности *-ыва-*имперфективов хорошо отражают ситуацию в южнодревнерусских диалектах XII–XIII вв.: здесь модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* была уже в эту эпоху вполне продуктивна — в отличие от северо-запада, где рост продуктивности *-ыва-*образований отмечается существенно позднее [Шевелева 2010; 2013]. В киевской и галицко-волынской диалектных зонах *-ыва-*имперфективы могут встречаться и в книжных текстах, в том числе в переводах южнорусского происхождения — они вполне употребительны в Пчеле, Истории Иудейской войны и др. [Пичхадзе 2011: 151–152]. В числе таких южнодревнерусских текстов с высокой употребительностью имперфективов на *-ыва-/-ива-* оказывается и ПВМ.

Обратим при этом внимание на то, что большая часть примеров *-ыва-*глаголов представлены в старейших частях ПВМ, которые могут

быть возведены к первоначальной редакции 1099–1100 гг. К исходному тексту Мономаха, несомненно, восходит контекст с наставлением о воинском труде из дидактической части ПВМ [Гиппиус 2003: 73, 78–82, 89]:

На воину вышедъ не лѣнитеса. не зрите на воеводы. ни питью ни ѣденыю не лагодите ни спанью. и сторожѣ сами **на р а ж и в а и т е**. и ночь ѡвсюду нарадивше ѡколо вои тоже лазите. а рано встанѣте [ПВМ: л. 80 об.]

— и контекст из описания “охот” [Гиппиус 2003: 89–90; 2004: 146]:

А се тружахъ са ловы дѣѡ. понеже сѣдѡ в Черниговѣ. а и-Щернигова вышѣ и д[о се]го лѣта по сту **о у г а н и в а [л ь]** (Би)имѣ дарѡ. всею силою кромѣ иного лова. кромѣ Турова. иже со ѡцмѣ ловиль ѡсмѣ всакѣ звѣрь [ПВМ: л. 82 об.].

Два *-ыва-*глагола читаются в Письме Мономаха к Олегу Святославичу, написание которого все исследователи относят к еще более раннему времени — к 1096 г. [Гиппиус 2003: 62], ср.:

Но все дьяволе наѡченъе. то бо были рати при оумнѣ дѣтѣ нашѣ. при добрѣ и при блжнхъ ѡцхъ нашѣ. дьяволь бо не хоче добра роду челоѡѣцкому **с в а ж и в а (ж и в а) е т н ы** [ПВМ: л. 83 об.];

дивно ли ѡже мужь оумерлѣ в полку ти лѣпше суть измерли и роди наши. да не **в ы и с к ы в а т и** было чюжего. ни мене в соромѣ ни в печаль вести [ПВМ: л. 84].

Только один контекст с *-ыва-*имперфективом, видимо, вставлен в окончательной редакции ПВМ 1117 г., однако сам этот фрагмент с наставлением об утренней и вечерней молитве, как убедительно показал А. А. Гиппиус, был частью некоего целостного текста — великопостной “Беседы” Мономаха, составленной ранее (возможно, в 1101 г.), разбитой при редактировании 1117 г. на фрагменты и вставленной этими фрагментами внутрь ПВМ [Гиппиус 2003: 83–88, 90–91], ср.:

Тако похваляю Бѡ и сѣдше думати с дружиною. или люди **ѡ п р а в л и в а т и**. или на ловѣ ѣхати. или поѣздити. или лечи спати [ПВМ: л. 81].

Таким образом, в языке Владимира Мономаха на рубеже XI–XII вв. имперфективы на *-ыва-/-ива-* были уже вполне продуктивны — как мы видим, уже не менее продуктивны, чем по данным КЛ и других киевских памятников XII в., свидетельствующих о высокой активности *-ыва-*модели имперфективации в киевской диалектной системе. Показательно, что сходство с КЛ XII в. в отношении *-ыва-*имперфективов обнаруживается у Мономаха даже на уровне представленности конкретных глаголов, бѡльшая часть которых встречается и в КЛ, ср. имперфективы *нараживати, оправливати, сваживати* в КЛ за втор. пол. XII в.:

Михалку не доспѣвающю с братомъ Всеволодомъ. на р а ж и в а ю щ и полкы свои поидоша [КЛ, 1176 г.: л. 211 об.];

И посла посоль свои к Рюрикови. ш п р а в л и в а ю с я во кр̑тное целованье [КЛ, 1195 г.: л. 238 об.];

на томъ же и моужи ею цѣловаша хр̑тъ ако межи има добра хотѣти. и ч̑ти ею стеречи. а не с в а ж и в а т и ею [КЛ, 1150 г.: л. 145];

и кр̑тъ цѣлую к вама яко лиха на ваю не замысливъ а вы ми выдаите кто ны с в а ж и в а е т ь [КЛ, 1170 г.: л. 193 об.].

Таким образом, на рубеже XI–XII вв. киевская система вторичных имперфективов уже имела тот же вид, что во второй половине XII в. ПВМ, широко включающее черты живого языка — особенно в своей исходной древнейшей части, — прекрасно отразило эту особенность древнекиевского диалекта конца XI в.

Обратим внимание еще на одно показательное соответствие. На сегодняшний день старейший бесспорный пример имперфектива с суффиксом *-ива-* обнаружен в заключительной части Изборника 1076 г. — в статье 14.31, составленной из отрывков гомилии Василия Великого “Против упивающихся”, славянских параллелей не имеющей [Изборник 1076, 1: 75, 79], ср.:

Вълагають оубо си въ болѣзни тажкыи: глава оубо правѣ прѣбывати не можетъ: сѣмо и овамо прѣкланаюшти са на рамѣ: сѣни оубо тажцы и зѣли выходаште о т а г ѣ ч и в а ж ь т ь о т ь оупиваниа [Изборник 1076: л. 266].

На то, что Изборник 1076 г. (или сборник аналогичного состава) был одним из главных литературных источников ПВМ, неоднократно обращали внимание исследователи [Лихачев 1986; Мещерский 1980/1995; Гиппиус 2003: 70, 77–78, 90]; особо обращают внимание на выдержки из Жития и Поучений Василия Великого, святого патрона Владимира Мономаха, интерес к которому Мономаха вполне понятен [Гиппиус 2003: 77]. Наша статья Изборника 1076 г. с отрывками гомилии Василия Великого о вреде пьянства не нашла прямого отражения в ПВМ, но, надо полагать, тоже была Мономаху хорошо известна, поскольку тоже связана с его небесным патроном Василием Кесарийским. Наличие имперфектива на *-ива-* в этом образцовом для Мономаха тексте из Изборника 1076 г. представляется значимым: свободно допуская в своем “Поучении” живые древнерусские образования на *-ыва-/ива-*, Мономах в то же время вполне соответствует в этом языке своего авторитетного литературного источника — Изборника 1076 г.

Сопоставление этих данных ПВМ и Изборника 1076 г. указывает на то, что *-ива-*имперфективы были в Киеве вполне употребительны уже во втор. пол. XI в., по крайней мере в 70-х гг.

Заметим при этом, что имперфективы на *-ова-* в ПВМ полностью отсутствуют — модель *-ова-/-uj-* здесь представлена только у отыменных образований, причем все примеры — в специфически книжных фрагментах ПВМ — выписках из Псалтыри и других церковных книг, ср.: не ревнѹи лукавнующимъ [л. 78, 83]; занеже лукавнующи потребатса [л. 78 об.]; не сверѣповати словомъ. ни хулити бесѣдою [л. 79]; к женѹ нелѣпымъ не бесѣдовати [л. 79об.]; и сему чюду дивуемъса [л. 79об.] и некоторые другие. Модель имперфективации с суффиксом *-ова-* в древнекиевском диалекте отсутствовала: данные ПВМ подтверждают предположение о её вторичности и распространении в югозападнорусских диалектах на имперфективы из деноминативов только в относительно позднее время [ШЕВЕЛЕВА 2010: 222, 239].

Итак, ПВМ — и прежде всего его исходный текст первоначальной редакции — хорошо отражает особенности глагольной системы древнекиевского диалекта рубежа XI–XII вв. В этой системе перфект уже употребляется синонимично аористу, уходящему в сферу пассивного знания — литературной традиции. Точно так же новый древнерусский плюсквамперфект типа *быль +-л-* употребляется синонимично старой форме плюсквамперфекта, остающейся в сфере книжности; некнижный плюсквамперфект здесь еще сохраняет способность выражать первичное результативное значение. Для видовой системы древнекиевского диалекта уже во второй половине XI в. характерна продуктивность специфически восточнославянской модели имперфективации с суффиксом *-ыва-/-ива-*.

ПВМ, отражая все эти особенности грамматической системы живого языка и сочетая их с книжными вариантами, оказалось у истоков особой литературной традиции — “гибридного регистра” книжного языка (термин В. М. Живова [2004: 63–69]), причем столь его русифицированную версию мы найдем впоследствии в традиции киевского летописания XII в. — прежде всего в КЛ XII в. Именно эти два памятника киевского происхождения — ПВМ рубежа XI–XII вв. и КЛ XII в. — оказываются в языковом отношении ближе всего друг к другу, отражая раннюю киевскую традицию “гибридного регистра” литературного языка, допускающую широкое проникновение разговорных элементов.

Библиография

Гиппиус 2003

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 1", *Русский язык в научном освещении*, 2(6), 2003, 60–99.

— 2004

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 2", *Русский язык в научном освещении*, 2(8), 2004, 146–170.

— 2006

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 3", *Русский язык в научном освещении*, 2(12), 2006, 186–203.

Живов 2004

Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2004.

— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Изборник 1076

Мушинская М. С., Мишина Е. А., Гольщенко В. С., *Изборник 1076 года*, Изд. 2-е, перераб. и доп., А. М. Молдован, ред., 1–2, Москва, 2009.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Кузнецов 1953

Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва, 1953.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

Лихачев 1986

Лихачев Д. С., "«Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха", в: Он же, *Исследования по древнерусской литературе*, Ленинград, 1986, 137–139.

Марков 1974

Марков В. М., *Историческая грамматика русского языка. Именное склонение*, Москва, 1974.

Маслов 2004

Маслов Ю. С., "Перфектность", в: Он же, *Избранные труды*, Москва, 2004, 426–444.

Мещерский 1977

Мещерский Н. А., "К толкованию лексики одного из «темных мест» в «Поучении Владимира Мономаха»", в: *Русская историческая лексикология и лексикография*, Ленинград, 1977, 39–42.

— 1980/1995

Мещерский Н. А., "«Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г.", в: Он же, *Избранные статьи*, С.-Петербург, 1995, 85–88.

НПЛ мл.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

Обнорский 1946

Обнорский С. П., *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, Москва, Ленинград, 1946.

ПЕТРУХИН, СИЧИНАВА 2006

ПЕТРУХИН П. В., СИЧИНАВА Д. В., «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе», в: *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 193–214.

— 2008

ПЕТРУХИН П. В., СИЧИНАВА Д. В., «Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях», *Русский язык в научном освещении*, 1(15), 2008, 224–258.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

ШЕВЕЛЁВА 2007

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах», *Русский язык в научном освещении*, 2(14), 2007, 214–252.

— 2008

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта», *Русский язык в научном освещении*, 2(16), 2008, 217–245.

— 2010

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв.», *Русский язык в научном освещении*, 2(20), 2010, 200–242.

— 2013

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в севернорусских летописях», *Русский язык в научном освещении*, 2(26), 2013, 191–224.

— 2014

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в Повести временных лет», *Русский язык в научном освещении*, 2 (28), 2014, 153–179.

ЯКУБИНСКИЙ 1953

ЯКУБИНСКИЙ Л. П., *История древнерусского языка*, Москва, 1953.

References

Gippius A. A., "Sochinenia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 1," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(6), 2003, 60–99.

Gippius A. A., "Sochinenia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 2," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(8), 2004, 146–170.

Gippius A. A., "Sochinenia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 3," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(12), 2006, 186–203.

Golyshenko V. S., Mishina E. A., Moldovan A. M., Mushinskaya M. S., eds., *Izbornik 1076 goda*, 2nd edition, 1–2, Moscow, 2009.

Kuznetsov P. S., *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka. Morfologiya*, Moscow, 1953.

Likhachev D. S., *Issledovaniia po drevnerusskoi literature*, Leningrad, 1986.

Markov V. M., *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie*, Moscow, 1974.

Maslov Yu. S., *Izbrannye trudy*, Moscow, 2004.

Meshcherskiy N. A., "K tolkovaniu leksiki odno iz «temnykh mest» v «Pouchenii Vladimira Mo-

nomakha»," in: *Russkaia istoricheskaya leksikologiya i leksikografiia*, Leningrad, 1977, 39–42.

Meshcherskiy N. A., *Izbrannye stat'i*, St. Petersburg, 1995.

Obnorskiy S. P., *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka starshego perioda*, Moscow, Leningrad, 1946.

Petrukhin P. V., Sichinava D. V., «Russkii pluskvamperfekt» v tipologicheskoi perspektive," in: *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 193–214.

Petrukhin P. V., Sichinava D. V., "Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhshlozhnom proshedshe, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstrukttsiakh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(15), 2008, 224–258.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaya deiate'l'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.

Sheveleva M. N., «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh

govorakh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(14), 2007, 214–252.

Sheveleva M. N., "Eshche raz o istorii drevnerusskogo pluskvamperfekta," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(16), 2008, 217–245.

Sheveleva M. N., "Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v letopisiakh XII–XVI vv.," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 2010, 200–242.

Sheveleva M. N., "Imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v severnorusskikh letopisiakh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(26), 2013, 191–224.

Sheveleva M. N., "Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v Povesti vremennykh let," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (28), 2014, 153–179.

Yakubinskiy L. P., *Istoriia drevnerusskogo iazyka*, Moscow, 1953.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd edition, Moscow, 2004.

Zalizniak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

доц. **Шевелёва Мария Наумовна**, канд. филол. наук
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
доцент кафедры русского языка
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
Россия/Russia
mnsheveleva@mail.ru